

УДК 930.1(44)''19''

**ФРАНЦУЗСКИЕ УЧЁНЫЕ О ПРОБЛЕМАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТОТАЛИТАРНОГО ПРОШЛОГО
(вторая половина 1980-х гг. – конец XX столетия)**

Н. Г. Костромина

**FRENCH SCIENTISTS ABOUT THE PROBLEMS OF OVERCOMING TOTALITARIAN PAST
(second half of the 1980 s. – late 20th century)**

N. G. Kostromina

В статье исследуются проблемы изучения и интерпретации тоталитаризма французскими исследователями в XX веке. Автор акцентирует внимание на вопросах, связанных с преодолением тоталитарного прошлого. Рассматриваются возможные проблемы и варианты выхода из тоталитаризма, предлагаемые французскими авторами.

The paper investigates the problem of study and interpretation of totalitarianism by French researchers in the 20th century. The author focuses on issues related to overcoming the totalitarian past. The paper covers potential problems and options of overcoming totalitarianism suggested by French authors.

Ключевые слова: демократия, национал-социализм, фашизм, коммунизм, изучение тоталитарных идеологий, преодоление тоталитаризма.

Keywords: democracy, national socialism, fascism, communism, study of totalitarian ideologies, overcoming totalitarianism.

Кардинальные перемены, начавшиеся в СССР, получили большой резонанс в общественном мнении всего мира. «Перестройка» и сопровождающие её проблемы породили бурные дискуссии как в нашей стране, так и во французской исторической и политической мысли. Проблема тоталитаризма приобрела ещё большую актуальность. Самыми дискуссионными в конце XX века оказались вопросы, связанные с проблемами перехода от тоталитаризма к демократии. Учёные, конечно, и раньше размышляли на эту тему, но реальность внесла свои коррективы. «Гласность» также принесла свои плоды: новые свидетельства из «тоталитарного» прошлого вызвали и новые вопросы у исследователей тоталитаризма, на которые предстояло ответить. Исторический опыт и практика показывают, что тоталитарную систему нельзя изменить или реконструировать, её можно только разрушить. Вслед за конструктивным преодолением тоталитаризма общество неизбежно должно прийти к демократизации всех сфер общественной жизни.

В 1986 г. в Париже вышла большая работа К. Лефора «Политические очерки XIX – XX века» [8], которая включает в себя исследования на темы современной демократии и тоталитаризма, свободы и революции. Большое место в его произведении уделяется, наряду с изучением истоков тоталитаризма, объективной оценке опасности этого явления в современном мире.

В своей работе он дает развёрнутую характеристику тоталитаризма, прежде всего как политического феномена. Учёный на основе анализа работ Х. Арндт, А. де Токвиля, Ф. Фюре и других, а также исторического развития детально изучает корни появления тоталитарного господства, которые возникают из «двусмысленности демократии» или, точнее, из «двусмысленных последствий» [1, с. 38] того, что рассматривалось как движущая сила демократической революции – «равенство условий». Соглашаясь с тем, что эволюция демократических обществ сделала возможным появление «новых систем господства – идёт

ли речь о фашизме, нацизме или социализме», – автор категорически против применения некоторыми учёными термина «тоталитарная демократия» [1, с. 41]. Это «явная нелепость», отмечает он, так как формирование этой системы включает разрушение демократии. Тоталитаризм, считает он, означает «не только разрушение политической свободы, он ломает динамику опекунской власти или провиденциального государства. Каковы бы ни были черты нового режима, будь он фашистским, нацистским или сталинским, устанавливается ли он в русле советского социализма или под притягательной силой этой модели в Европе, Китае, Корее, во Вьетнаме или на Кубе, не принципы благосостояния управляют развитием государства» [1, с. 42]. При этом он отмечает, что «формирование власти тоталитарного типа, свободной от соперничества, означает не только конец политических свобод, но и самих гражданских свобод» [1, с. 51].

Не последнее место в формировании и становлении тоталитарного общества занимает так называемый «тоталитарный менталитет». Изучая рождение «революционного менталитета», а затем перерождение его в «тоталитарный», Лефор вынужден отметить закономерность этих процессов. Причины рождения «тоталитарного мышления», а затем и укрепления его, учёный видит, во-первых, в формировании государственных основ под лозунгом «создания нового человека»; во-вторых, в превращении общественных норм поведения в нормы личностных отношений; в-третьих, в усилении пропаганды (внушения) необходимого образа жизни и стремлений каждого, отдельно взятого индивида; в-четвёртых, в соответственном изменении законодательства и так далее. При этом на протяжении всего периода параллельно с введением выше перечисленных процессов идёт формирование сильного бюрократического аппарата, обязанного следить за реализацией каждого из процессов. Когда все эти процессы реализовываются, тогда, по мнению автора, и развивается «фантазм единого народа», что

впоследствии и приводит к «тоталитарному мышлению» [1, с. 49].

К. Лефор настаивает на том, что при анализе тоталитарного феномена необходима связь политики и истории. С его точкой зрения можно согласиться, так как действительно в тоталитарном режиме все общественные сферы: и экономика, и наука, и юстиция – политизированы. Партийные установки проникают в каждую область, а общественные интересы ставятся выше частных. Он прав и в том, что тоталитаризм нельзя путать с тиранией, потому что в тоталитарном режиме действие составляет господствующую ценность, так как народ должен быть мобилизован и находиться всегда в движении для осуществления задач, представляющих общий интерес. Это также режим, в котором царит система понятий. То, что режим представляется революционным, так как «он делает чистую доску («*tabula rasa*») из прошлого и отдается созданию «нового человека» [1, с. 68], можно принять с оговоркой (*прим. автора: только на начальном этапе*).

Главную опасность учёный видит в том, что «тоталитаризм не вытекает из изменения в способе производства. Современный тоталитаризм возникает именно из политической мутации, мутации символического порядка и роста высокой степени техницизма и «органицизма» (заорганизованности) общества [1, с. 20]. Тем самым Лефор дал новый толчок к размышлениям о путях предотвращения новых форм тоталитаризма.

Работы К. Лефора способствовали формированию новых взглядов на проблему тоталитаризма и демократии. Учёный показал, что только на фоне тоталитаризма демократия приобретает новую рельефность. Он доказал важность исследования такой формы общества, как демократия, так как это помогает понять, что «составляет её оригинальность и что в ней подготавливает её перевертывание, наступление тоталитарного общества» [1, с. 22].

В 1986 г. вышел сборник статей К. Касториадиса «Область человека. Перекрестки лабиринта II», в котором наряду с другими его работами о тоталитаризме и демократии была опубликована работа «Судьбы тоталитаризма» [5, р. 201 – 218].

Учёный в своём произведении акцентирует внимание на вопросах: Что происходит с тоталитарным режимом, когда он в течение двух третей века остается на месте? Что происходит с русским режимом после смерти Сталина? Он сравнивает положение 1981 г. с положением 1930-х гг. или даже 1945 – 1953 гг. При этом он критикует концепцию тоталитаризма Х. Арндт, отмечая, что для характеристики современного тоталитаризма главные пункты концепции совершенно не пригодны. Он отмечает: исчез массовый ужас и массовые трудовые лагеря (они, конечно, остались, но количество переходит в качество). Наказание стало «рациональным» и «действенным». В эту область были введены «интересные технологические нововведения (например, использование психиатрии)». Исчезло провозглашение радикальных «целей... за исключением единственной: мировое господство («мировая победа социализма»)» [5, р. 204]. Военный сектор, по его мнению, функциони-

рует достаточно эффективно, хотя его эффективность намного ниже, чем в США. Невойенный сектор находится в состоянии непрерывного ползучего кризиса. Но он больше не подвергается кардинальным реформам [5, р. 204]. Официальное изображение реальности по-прежнему далеко от реальности. Но здесь уже разница не в степени, а в качестве. «Официальная пропаганда производит бессвязный поток подчиненной лжи, но она не способна восстановить грандиозный мир фикции и параноидальной непроницаемости» [5, с. 204], – считает он. Учёный указывает, что идеология разлагается, но идеологический контроль сохраняется, хотя и наблюдается его ослабление в вопросах политики, философии, социологии и экономики. Касториадис отмечает исчезновение «принципа вождя» в роли лидера, описанного в концепции Арндт [5, р. 204]. Он приходит к заключению, что режим «видимо, отказался от контроля над мыслями и душами людей, а также отказался от принудительного гипербоществления людей». Напротив, то, что осуществляется сегодня, приравнивается к «официально поощренному процессу приватизации», которая толкает людей к тому, чтобы они развивали карьеру, частную жизнь, сады и, если у них есть, потребляли водку» [5, р. 206].

Эти факты, считает Касториадис, разрушают связанность «классического» тоталитаризма и говорят о глубоком изменении структуры советского режима [5, р. 206].

Касториадис отмечает, что «классический» анализ тоталитаризма подходит только для режимов периода Сталина и Гитлера, при этом нацистскому тоталитаризму он соответствует намного больше, чем русскому варианту. По мнению учёного, «эволюция советского режима ускользает от Арндт, так как она не учла ряд факторов, характерных для русской ситуации. Эти причины автор указал в характеристике советского режима как общего и тоталитарного бюрократического капитализма (в работе «Общественный режим в России», см. выше). Здесь он идёт ещё дальше, характеризуя «военное под-общество», которое, по его словам, является «единственной реальной живой силой в России» [5, р. 214]. Это военное под-общество существует в «симбиозе с Партией, ставшей живым трупом, непригодным к любой общественной и исторической роли (за исключением наказания)» [5, р. 214].

Армия для Касториадиса – естественный и необходимый носитель единственного проекта, который держит русский режим вместе [5, р. 214]. Автор приходит к выводу о том, что «перед нами новый тип общественно-исторического образования: стратократия [5, р. 216].

Учёный отмечает, что режим двойственен: с одной стороны, военное под-общество, с другой – Партия. Общество многократно: различные общественные слои, национальности и течения, которые пересекают границы слоёв и национальностей. Также он указывает на наличие теневой экономики, второго общества, национализма и настойчивой приватизации. «В этом хаосе, в этом обществе без веры и закона военное под-общество единственный связный фактор», – пишет он, поэтому оно стало господствующей

силой. Это, по его мнению, доказывает, что уже не существует ни уравнивания, ни унификации общества, даже не во внешнем смысле, который «классический» тоталитаризм пытался осуществить. Анализируя положение в СССР 1980-х гг., учёный приходит к заключению, что для тоталитарного общества характерен в этот период полный «внутренний застой». Режим находится не только в экономическом и социологическом тупике, но и в историческом, и в философском. По-мнению автора, исключение составляет «коммунистическая идеология»: она сохраняет некоторое соответствие как «товар на экспорт» специально для рынков третьего мира [5, p. 215].

Таким образом, Касториадис приходит к выводу: «Русская стратократия – оригинальное создание, новое историческое животное» [5, p. 217]. При этом она (стратократия), по мнению автора, разделяет свой фундаментальный характер с «классическим» тоталитаризмом, от «которого родилась: стремительный рост к неограниченному расширению господства» [5, p. 217]. Что же касается «классического» тоталитаризма, то «в своём русском воплощении, по мнению автора, он потерпел неудачу относительно его центральной цели: создания абсолютных людей или разрушение их». Это оказалось невозможным, и «эта невозможность выражается в упадке Партии и в усилении Армии» [5, p. 217].

Автор приходит к вполне логическому заключению: «Классический» тоталитаризм был возможен и реален; это означает, что чудовищный проект общего господства и ассимиляции – одна из возможностей, которую человеческое общество создало и осуществило. «Классический» тоталитаризм был либо побеждён снаружи, либо иссушен изнутри; ничто из этих судеб не было неизбежно и фатально. И оказалось, что стратократия появилась на своем месте в России, которая в глубине оставила проект общего господства, но уже не экстенсивного, опирающегося только на грубую силу. «Следующий проект может оказаться не менее чудовищным и, возможно, иметь ещё более крупные возможности успеха, чем прецедент, уже существовавший» [5, p. 218].

Учёный отмечает, что «бой (прим. автора: с тоталитаризмом) далеко не закончен», но есть возможность предотвратить опасность тоталитаризма. Подтверждением этому служат «и провал первоначально варианта тоталитаризма, и постоянно возобновляющиеся выступления против русской стратократии как её местных представителей, так и в Польше» [5, p. 217].

Работы К. Касториадиса внесли значительный вклад в исследование практически всех аспектов «левого» тоталитаризма. Еще в 1949 году, когда никто и не думал во Франции ставить под сомнение позитивное значение социалистического проекта в СССР, Касториадис математически вычислил наличие в этой стране класса, присваивающего прибавочную стоимость, то есть класса эксплуататоров, которого не должно было быть по определению. В результате национализации собственности в СССР возник автономный бюрократический аппарат, ставший институтом, трансцендентным по отношению к обществу. Особое

внимание в своих работах он уделил исследованию структур советского тоталитарного государства.

Французский историк с международной репутацией, Леон Поляков в своей работе «Тоталитаризмы в XX веке» (1987) [12] представляет свой взгляд на феномен XX века и размышляет о возможности его эволюции в XXI веке. Характеризуя тоталитаризм, он отмечает, что в первую очередь это феномен политический и социальный. Поляков поддерживает множественный подход в изучении этого явления, используемый авторами упомянутого сборника «Тоталитаризмы» (1984). При этом он считает, что только сравнение исторической ситуации, идеологии, людей, культурного наследия позволяет выделить «черты, общие для всех тоталитарных режимов XX века, и одновременно, то, что их отличает...» [12, p. 368]. По мнению Л. Полякова, до сих пор «тоталитаризм – это историческое явление в неточных контурах, где само определение и научное изучение сталкиваются с многочисленными затруднениями» [12, p. 7]. Он считает, что за сорокалетний период изучения тоталитарного явления по обе стороны Атлантики ни одно из описаний не удовлетворяет требованиям исторической науки. Исключение, по его мнению, «возможно, представляет лишь Р. Арон» с его характеристикой тоталитарного явления в работе «Демократия и тоталитаризм» 1965 года [12, p. 7–8].

Среди проблем, связанных с изучением тоталитаризма в современном мире, он отмечает, что тоталитарные режимы в Италии и Германии были сметены силой армии, но в Советском Союзе проведённая в середине 1950-х – 60-х гг. десталинизация только «осушила потоки крови, система же в своей совокупности осталась нетронутой» [12, с. 9]. Определение «посттоталитарного режима» более всего, по его мнению, можно отнести к горбачёвскому периоду. Ещё более трудным для историка, считает он, является случай стран третьего мира «ввиду разновидности и количества этих режимов, в большинстве авторитарных, и часто тиранических» [12, p. 9]. Ещё одной «многократной» причиной, затруднявшей изучение тоталитаризма во Франции, «было ослепление левых учёных марксистским мифом», верой в коммунистические идеалы [12, p. 22]. Так, Леон Поляков в своей работе останавливается на подробном рассмотрении четырёх разновидностей тоталитарных режимов: это советский тоталитаризм, итальянский фашизм, немецкий гитлеризм, Китай – восточный тоталитаризм.

Л. Поляков считает, что ключ к изучению проблемы тоталитаризма находится в Европе, где «тоталитарная волна была хорошо взвешенной реакцией на кровавую бойню первой мировой войны» [12, p. 10]. Он более детально останавливается на изучении истории советского и нацистского режимов, где подробно описывает процесс их становления, идеи, сопутствующие этому, механизмы, а также показывает самобытность каждого из них. Что же касается тоталитарных режимов Востока, то автор подчёркивает, что «они были установлены в другой эпохе и в других условиях, чем в Европе» [12, p. 11]. Но они также распространились после «огромной бойни» второй мировой войны, именно в бывших колониях. По мнению автора, не последнюю роль в этом процессе сыг-

рали поощрение и помощь Москвы (Китай, Камбоджа, Вьетнам, Северная Корея) [12, р. 339].

Учёный отмечает парадоксальность истории самого термина «тоталитаризм». Он был впервые использован Муссолини в октябре 1922 г., накануне фашистского похода на Рим. Тогда ему было важно успокоить короля и окружение, так же как мещанство, относительно своих намерений, и поэтому он объявил себя безусловным слугой Государства – «всем для Государства, ничем вне Государства», добавляя, что это государство должно быть «тоталитарно». Поляков считает, что в период «своего появления на свет, термин звучал возвышенно: надо было подождать около пятнадцати лет, чтобы тоталитарная форма правления была практически единогласно осуждена западными демократиями» [12, р. 21].

На сегодняшний день книга Полякова «Тоталитаризмы XX века» – одна из немногочисленных работ, содержащих полную историю основных тоталитарных режимов XX века с момента их основания до последнего дня их существования, с подробным анализом причин их появления, эволюции и краха.

Отдельно следует отметить и некоторые независимые взгляды, нашедшие отражение в сборнике актов международного коллоквиума «Ревизия истории. Тоталитаризмы, преступления и геноцид наций» [13], состоявшегося 3 – 5 ноября 1988 г. в Брюсселе. Основное внимание участников коллоквиума было сосредоточено на проблеме исследования тоталитаризма, точнее, проблеме использования понятия «тоталитаризм» в научных исследованиях и для характеристики современных обществ. Большое место в сборнике занимает освещение таких характерных явлений тоталитарного господства, как преступления против человечности, геноцид, холокост и другие. По мнению учёных, чтобы объективно рассмотреть проблемы современности, необходимо знать их исторические корни.

Большую дискуссию вызвало мнение немецкого медиевиста Курта фон Фрица [13, р. 35] о том, что режим, существовавший в Спарте, можно классифицировать как тоталитарный. В ходе дебатов вокруг этого тезиса высказывались совершенно противоположные мнения как в защиту его, так и против. Часть историков и политологов соглашалась с тем, что режим, существовавший в Спарте, можно по некоторым параметрам характеризовать как тоталитарный» [13, р. 36]. Другие настаивали на том, что тоталитаризм является детищем нового времени: «тоталитаризм не что иное, как синтез интеллектуальных идей XVII и XVIII веков, политически реализованный в XIX и XX веках... основной принцип которых – равенство между людьми» [13, р. 34].

Жан-Пьер Азема и Франсуа Бедарида в 1995 выпустили огромный по своему объёму (более 1130 страниц) критический словарь «1938 – 1948 беспокойные годы. От Мюнхена до Праги» [4]. В нём авторы постарались отразить «прометеевское насилие в бурные годы, которое мир узнал накануне, во время и после второй мировой войны» [4, р. 7]. Словарь представляет собой не энциклопедию и не панораму событий десятилетия. Здесь в алфавитном порядке представлен анализ основных событий, идей, людей и обществ, систем и идеологий, в которых и выразилось это

«прометеевское насилие». Поэтому словарь включает разнообразную гамму политического и социального, религиозного и психологического, экономического и технического, культурного и идеологического характера, которые позволили бы отразить своеобразие этого десятилетия. Среди них такие понятия и имена, как Бухенвальд, Варшава, Гитлер, кейнсианство, марксизм, Муссолини, Мюнхен, национал-социализм, Нюрнберг, расизм, Рузвельт, советско-германский пакт, СС, Сталинград, Сталин, сталинизм, тоталитаризм, фашизм, Хиросима, «холодная война», Ялта, и др.

В статье «Тоталитаризм», написанной историком К. Помианом, представлен критический взгляд на проблему тоталитаризма. Здесь раскрывается значение понятия, кратко представлена его история. Основное место здесь уделяется степени изученности этого явления в период 1938 – 1948 гг. как во Франции, так и в других странах. Историография вопроса кратко освещается с момента её появления, то есть с появления самого понятия. Отмечается важность для формирования теории тоталитаризма работ К. Шмитта (1931), Э. Форстхофа (1933), Л. Троцкого (1937), Г. Раушнинга (1938), во Франции – Ж. Бэнвиля (1933), Б. Суварина (1935). Представлен подробный анализ работ, вышедших в период 1938 – 1948 гг.: Ф. Боркенау «Тоталитарный враг» (1940), З. Нойманн «Перманентная революция» (1942), Ф. Фон Хайек «Дорога к рабству» (1944), Ф. Нойманн «Бегемот» (1944) и другие.

Подробно рассматриваются три основные послевоенные работы американской социальной науки: Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» (1951), Я. Л. Талмон «Происхождение тоталитарной демократии» (1952), К. Фридриха, З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956). Несмотря на то, что опубликованы они в 1950-е годы, автор останавливается на них потому, что основная их часть была написана, по его словам, «в самый плодотворный для размышлений о тоталитаризме период между концом 1930 – концом 1940-х гг.» [4, р. 1073]. К. Помиан отмечает, что в этот период американская историография тоталитаризма, благодаря эмигрантам из Германии и Великобритании, выходит на первый план [4, р. 1079].

Помиан отмечает, что французские учёные в этот период (1945 – 1960-е гг.) осторожно относились к использованию понятия тоталитаризм. Но, тем не менее, применяли его, а в анализе некоторых вопросов превосходили своих американских коллег. Особенно он выделяет вклад К. Касториадиса, К. Лефора и Р. Арона. А в 1970-е гг., по мнению автора, теория тоталитаризма во Франции вызывает ещё более широкий интерес.

Ф. Фюре в одной из своих последних работ «Прошлое одной иллюзии» [7] акцентирует внимание на интеллектуальной и психологической истории коммунизма в XX веке. Главная цель, которую преследует автор в своей книге, – понять «одну вещь, ограниченную и центральную в одно и то же время, а именно роль, которую сыграли в нашем веке идеологические страсти, в особенности коммунистическая страсть. Именно эта черта специфична для XX века» [2, с. 19].

Фюре также рассматривает и фашистские режимы и сравнивает их между собой. Учёный отмечает, что именно идеологии придали огромную притягательную силу этим режимам, «привлекшую к ним в послевоенной Европе не только народные массы, но и образованные слои общества, несмотря на всю примитивность идей и аргументов, которыми эти режимы оперировали» [2, с. 20].

Хронология для Ф. Фюре служит отправной точкой для анализа: и большевизм, и фашизм – дети первой мировой войны. Автор отмечает, что явная и программная цель русской революции и её идеологии – интернациональная и универсальная. Что же касается фашизма, то, по мнению историка, он родился «как реакция частного против универсального, народа – против класса, национального – против интернационального. У своих истоков он неотделим от коммунизма, цели которого он отвергает, а методы заимствует» [2, с. 21]. Таким образом, считает он, сравнительный анализ коммунизма и фашизма необходим не только по причине их одновременного и весьма краткого по историческим меркам существования, но и по причине их взаимозависимости. «Фашизм родился как реакция на коммунизм. Коммунизм продлил свои дни благодаря победе над фашизмом» [2, с. 41]. Получается, что их нельзя изучать отдельно друг от друга, поэтому автор предлагает использовать для их сравнения «генеалогический» подход в противовес «историко-генеалогическому», предложенному Э. Нольте.

По мнению автора, применение такого понятия, как «тоталитаризм», может быть полезно, «если пользоваться им осмотрительно», так как «оно может служить для характеристики определённого состояния, достигнутого указанными режимами (не обязательно всеми) в различные моменты их эволюции. Но оно не говорит ничего ни о соотношении между их природой и условиями их развития, ни об их скрытом взаимодействии и взаимооплодотворении» [2, с. 191].

Война 1914 года сыграла по отношению к истории XX века такую же роль матрицы, как Французская революция – по отношению к истории XIX века. Именно она породила события и движения, приведшие к возникновению трех «тираний», о которых говорил Э. Алев.

Таким образом, считает Фюре, перед историком открывается новый путь для сопоставления диктаторских режимов. Речь идет о том, «чтобы рассматривать их не в концептуальном плане, в тот момент, когда каждый из них достигает пика своего развития, а в процессе их зарождения и формирования, чтобы понять как специфичность каждого из них, так и то, что всех их объединяет» [2, с. 191].

При этом автор предостерегает, что при таком подходе существует риск упрощённого толкования (пример тому – дискуссия между немецкими историками по этому вопросу в 1987 г.). Так, на тезис немецкого историка Э. Нольте, считающего фашизм и нацизм ответом на большевистский Октябрь, он заявил, что «подобный подход имеет тот недостаток, что он сглаживает особенности каждого из фашистских режимов (не говоря уже о большевизме), приводя их к общему знаменателю, только теперь не в виде общего

определения, а в виде общего врага» [2, с. 192]. Если фашистские движения являются всего лишь реакцией на большевизм, то получается, что они «запрограммированы по одной модели, а это не позволяет как следует понять ни их особенности, ни их автономию, ни те истоки и страсти, которые объединяют их с врагами» [2, с. 192]. Ф. Фюре так же как и другие французские учёные, считает более плодотворным рассматривать каждый фашистский режим в отдельности, обращая внимание на их особенности и различия.

Существует довольно устойчивое мнение, согласно которому появление советской системы в России и нацистского рейха в Германии объясняется национально-историческими традициями этих стран, и, в сущности, это лишь продолжение их истории в новых условиях. Такое мнение, согласно Фюре, верно лишь отчасти, так как в Германии и России традиционно были сильны тенденции централизма и культ сильного государства. Но, говорит автор, для такого феномена, как тоталитаризм, необходима особая социально-экономическая ситуация, которая стала бы благоприятной почвой для его возникновения. «Почва», по признанию французских учёных, появилась в начале XX века. «Порождённые войной, большевизм и фашизм унаследовали от неё свою элементарность. Они переносят в политику то, чему научились в траншеях: привычку к насилию, силу примитивных страстей, подчинение индивида коллективу и, наконец, горечь бесполезных жертв и совершённого по отношению к ним предательства. Именно в странах, побеждённых на поле боя или обделённых при заключении мира, подобные чувства находят наиболее благоприятную почву» [2, с. 192]. Сравнивая фашистские движения в Европе с большевизмом, Фюре отмечает их определённую похожесть. Идеологический успех, изначально сопутствовавший большевизму в Европе, окружён такой же тайной, как и бурное развитие фашистских идей в эти же годы. Ф. Фюре полагает, что взаимосвязь и взаимодействие этих двух направлений позволяет высказать гипотезу: эффективность обеих идеологий связана с тем, что они основаны на упрощениях и преувеличениях. «И та и другая гиперболизируют и доводят до карикатуры коллективные представления, служащие им знаменем. Разжигая фанатизм своих сторонников, они не только не смягчились, придя к власти, но пустились в новые преступления и злодеяния» [2, с. 46].

Книга «Прошлое одной иллюзии» – это история коммунизма XX века с момента его появления и до момента его краха. Автор подробно останавливается на всех судьбоносных для этой идеологии моментах её эволюции. Национальный момент является подчинённым и как таковой вообще отрицается: согласно революционной идеологии, захват власти оправдан и законен лишь в виду перспективы мировой революции. Даже впоследствии, когда мировой революции не произошло, Россия оставалась аванпостом, плацдармом этой революции, её лабораторией и генеральным штабом. Таким образом, подчеркивает Ф. Фюре, после 1917 г. Россия стала частью истории мирового коммунизма в гораздо большей степени, чем коммунизм – частью русской истории [2, с. 12].

Ф. Фюре пишет, что «коммунизм-строй» в России превратился в «коммунизм-иллюзию». Это заключение он строит на том факте, что «коммунистический мир распался, люди этого мира, не будучи никем побеждены, сами перешли в другую систему, стали сторонниками рынка и свободных выборов либо переключились в националистов». Но от их предшествующего опыта не сохранилось никакой идеи. «Коммунизм заканчивается в какой-то пустоте. Он не открывает пути – как многие надеялись и предвидели еще со времен Хрущёва – для нового, лучшего коммунизма, свободного от пороков старого и сохранившего его достоинства» [2, с. 13].

Переход от Советского Союза к Российской Федерации, совершившийся не в результате военного краха, как в Германии и Италии, а вследствие идеологического крушения, произошёл менее катастрофически, но повлек за собой многочисленные глобальные последствия, одно из которых – наличие в «новом» «старого», а также парадоксальное рождение фашистских сил. Таким образом, по мнению Ф. Фюре, советский опыт обнаруживает «свою нерасторжимую связь с некой фундаментальной иллюзией, которую, как казалось, он долгое время поддерживал, чтобы, в конечном счёте, её окончательно развеять» [2, с. 14]. Эта иллюзия дает человеку, затерянному в истории, не только смысл жизни, но и непоколебимую уверенность. Она не была чем-то вроде ошибочного суждения, которое можно исправить, опираясь на опыт, но имела больше общего с религиозной верой, хотя предмет её обожествления лежал в области истории. Иллюзия не просто «сопровождает» коммунизм, она его созидает: она не зависит от развития, ибо предшествует опыту, и в то же время разделяет с ним риск этого опыта, так как им проверяет истинность пророчества.

Идея коммунистического строя (коммунизма) вынашивалась значительно дольше, чем идеи фашизма и национал-социализма. Она близка многим до сих пор, несмотря на крах советского режима и тоталитарного ужаса в прошлом.

Книга «Прошлое одной иллюзии» – повествование о процессе «очарования» коммунистической идеей в XX столетии, идейная история тоталитарного искушения, в течение короткого времени стала бестселлером (было продано более 100000 экземпляров) и была переведена на многие языки. Она снова открыла спор о сопоставимости фашизма, национал-социализма и коммунизма, о взаимодействиях и условных соглашениях тоталитарных идеологий и их политических последствиях. Фюре видит в коммунизме и национал-социализме два враждебно-родственных плода первой мировой войны и гражданской самоненависти. В молодости он сам был увлечён коммунизмом и даже вступил в партию, но в 1954 г. вышел из неё.

Размышления о крахе «коммунистической империи» нашли своё продолжение в «Чёрной книге коммунизма» под редакцией С. Куртуа и Н. Верта [6]. Группа французских историков создала этот коллективный документированный труд, преследуя двоякую цель. С одной стороны, авторы подвели итоги восьмидесяти лет существования «коммунизма» в мире. С другой стороны, они попытались показать масштабы

преступлений, совершённых коммунизмом или во имя коммунизма. В итоге – содержание книги, основанное на многочисленном документальном материале, представляет собой чудовищную историю преступлений коммунистического мира с октября 1917 г. до середины 1990-х гг. Попытки понять, почему коммунизм, провозглашавший «сияющее будущее», стал самым кровавым, привели авторов к довольно спорному выводу: «мировая война и русская привычка к насилию» объясняют насильственный захват власти большевиками. Дальнейшее насилие «навязал революции тот человек, который навязал своей партии захват власти, – Ленин» [3, с. 672]. Его сменил Сталин, и... следуя дальнейшим размышлениям французских историков, террор стал всеобъемлющим, и даже после его осуждения на XX съезде КПСС, «покончившего с самыми откровенными формами террора, сам принцип террора остался на вооружении и сохранил свою эффективность» [3, с. 688].

Авторы анализируют не только историю сталинского СССР, но и период гражданской войны в Испании («тень НКВД над Испанией»), а также Восточной Европы как «жертвы коммунизма». Не остались без внимания и страны (коммунистические режимы) Азии и третьего мира. Итог – 95 миллионов жертв коммунистических режимов по всему миру. Такой вывод сделали французские историки, авторы книги, в ходе проведённой ими огромной научно-исследовательской работы. Выход книги во Франции и других странах не мог остаться незамеченным благодаря собранным уникальным фактологическим материалом, прозвучавшим на её страницах высказываниям. Масштабы учинённого государственным коммунизмом зла в СССР, Китае, Северной Корее, Камбодже и других странах позволили авторам книги утверждать: коммунизм так же преступен, как и нацизм.

Книга носит научный характер, богата фактами, документами и свидетельствами, и, безусловно, имеет большое значение для изучения тоталитаризма. Но не все выводы французских историков, на наш взгляд, так однозначны и правильны. Главная ошибка «Чёрной книги» в том, что нельзя ставить в один ряд все преступления, совершённые в рамках коммунистических диктатур, ведь среди них были преступления не только политического или идеологического характера, но и уголовные... Более того, в истории любой, даже демократической, страны найдутся страницы преступлений и террора, например, для Франции – это война за независимость в Алжире 1957 г., а что касается США, то число их жертв за последние восемьдесят лет XX века, на наш взгляд, слишком велико для демократической страны.

«Чёрная книга» была переведена на все европейские языки, включая русский (в 1999 г., всего 5 тыс. экземпляров). Содержание книги было воспринято неоднозначно. Исследование получило огромный резонанс в общественном мнении всех стран, где оно появилось. Картина была приблизительно одинаковой во всех странах: правые партии выступали за необходимость изучения содержания книги в школах, коммунисты выступали против распространения этой книги и пытались доказать, что это чей-то «политический заказ», направленный на их дискредитацию.

Другие рассуждали о том, правомерно или нет вообще вести такой счёт [10; 11].

Публикация этой книги ещё раз показала, что противостояние между правыми и левыми продолжается, как продолжают и дискуссии на тему тоталитаризма [9]. Поэтому эта тема будет оставаться актуальной ещё долгое время. Выход этой книги образовал своего рода теоретический рубеж в изучении и сравнении двух форм тоталитарного господства. С этого момента дискуссия о тоталитаризме во французской исторической и политической мысли ещё больше усиливается. На первый план выдвигается вопрос о правомерности сопоставления тоталитарных режимов по размерам их преступности или кровожадности о возможности привлечь их к одинаковой ответственности.

Критика теории тоталитаризма во французской исторической и политической мысли во второй половине 1980-х – конце 1990-х гг. XX века достигла наибольшего распространения. Французские учёные в этот период существенно обогатили и углубили не только само понятие тоталитаризма, но и предложили новые концепции исследования данного феномена XX века. Предлагаемые французскими учёными классификации весьма разнообразны. Но отношение к правомерности использования понятия «тоталитаризм» в целом одинаковое: применение такого понятия, как «тоталитаризм», может быть полезно, «если пользоваться им осмотрительно», для характеристики

определённого состояния, достигнутого указанными режимами (не обязательно всеми) в различные моменты их эволюции. Но оно «не говорит ничего ни о соотношении между их природой и условиями их развития, ни об их скрытом взаимотяготении и взаимоплодотворении».

Исследователи акцентируют внимание на том, что тогда как сталинизм представляет тоталитарный вариант левых идеологий, а фашизм воплощает тоталитарную форму правой авторитарной семьи, всё это ни в коем случае не означает, что использование общей (или близкой) тотальной практики позволяет смешивать сталинизм с фашизмом (нацизмом). Французские учёные считают, что коммунизм так же преступен, как и нацизм. Тоталитаризм, по их мнению, не ушёл в прошлое. Несмотря на то, что достоинства демократической формы полностью обоснованы и доказаны и в теории и на практике, опасность возрождения этого явления велика из-за отсутствия механизмов противодействия.

Важность работ французских исследователей заключается также в том, что они показали необходимость не только изучать и помнить прошлое, но и задуматься о будущем: «пусть нацизм остался в XX веке, а у коммунизма практически нет шансов на глобальное возрождение, но дело ведь не в именуемых идеологии словах – тоталитарные структуры тем и опасны, что способны возрождаться в новых обличьях и под новыми знаменами».

Литература

1. Лефор К. Политические очерки XIX – XX века. М., 2000.
2. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.
3. Чёрная книга коммунизма. Преступления, террор и репрессии. М., 1999.
4. Azéma J.-P., Bédarida F. 1938 – 1948. Les années de tourmente. De Munich à Prague. Dictionnaire critique. P.: Flammarion, 1995.
5. Castoriadis C. Les Destinées du totalitarisme // *Domaine de l'homme. Le carrefour du labyrinthe* II. Paris, 1986.
6. Courtois S., Werth N. *Le Livre noir du communisme. Crime, terreur et répression*. Paris, Editions Robert Laffont, S. A., 1997.
7. Furet F. *Le passe d'une illusion*. P., 1995.
8. Lefort C. *Essays sur le politique XIX – XX siècles*. Paris, 1986.
9. *Le livre noir du communisme. Vol. 2. L'héritage lourd de l'idéologie / Stéphane Courtois, et Nicolas Werth, et Jean-Louis Panne*. Paris, Edition Robert Laffont, S. A., 2004.
10. Matvejevitch P. *Le [(Livre noire)] lu à l'Est // Revue des deux mondes*. 1998. № 6. P. 130 – 142.
11. Panne J.-L. *Livre rouge centre Livre noir // Historia*. Paris. 1998. № 614. P. 80 – 88.
12. Poliakov L. *Les Totalitarismes du XX siècle. Un phénomène historique dépassé*. P., 1987.
13. *Révision de l'Histoire. Totalitarismes, crimes et génocides nazis*. P., 1990.

Информация об авторе:

Костромина Надежда Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений КемГУ, Klio73@mail.ru.

Nadezda G. Kostromina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.